

ЮБИЛЕИ

В. Г. Бабенко

ЮРИЙ КАЗАРИН – ПОЭТ РУССКОЙ ТРАНСГРЕССИИ

В этом году русский поэт, прозаик, ученый и педагог Юрий Викторович Казарин отмечает свой юбилей. Казарин — автор многочисленных поэтических сборников, исследований по теории стиха, философских эссе и др. Он является крупным национальным поэтом, возродившим древние духовно-религиозные традиции. В советское время поэт находился вне практики социалистического реализма. После распада СССР не принял постмодернизма. Вместе со своими единомышленниками поэтами Майей Никулиной и Алексеем Решетовым Казарин стал создателем особой уральской школы философской лирики, чуждой любой идеологии и социальной борьбе. Цикл стихов «Каменские элегии» — вершина его лирики последнего времени. Он сторонится официальной церковной обрядности, но глубоко религиозен. В его стихотворчестве ощутимы следы духовной практики исихазма, воспринятой и пропущенной через наивно-религиозное народное восприятие христианских догматов. Казарин-ученый глубоко погружен в изучение корней греческого и русского православия, Казарин-поэт ищет и находит в родной природе, в простом деревенском быте проявления того вечного Нечто, того Невыразимого, что в остальном мире часто называют загадкой русской души.

БАБЕНКО Владимир Гаврилович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории театра и литературы Екатеринбургского государственного театрального института (e-mail: lgbabenko@yandex.ru).

Бабенко В. Г., 2020

О, как же я хочу,
Нечуемый никем,
Лететь вослед лучу,
Где нет меня совсем!

А ты в кругу лучись, —
Другого счастья нет,
И у звезды учись
Тому, что значит свет...

О. Э. Мандельштам

В своей книге об Осипе Мандельштаме Казарин так написал об этих строчках любимого поэта, созданных в ссылке, в Воронеже, в 1937-м, незадолго до гибели: «Стихотворение устремлено ввысь, вверх по вертикали, что вполне соответствует онтологическому вектору поэзии О. Мандельштама в целом; стихотворение — графически — стремится к невыразимому, к неведомому, — стихотворение взлетает, наполненное ужасом и красотой жизни, любовью, смертью, бессмертием» [8, 57]. К невыразимому, к неведомому... Ключевые концепты творческого мира Казарина — Нечто («Изящная словесность — это язык, человек, культура плюс Нечто. Нечто есть поэзия, которая присутствует и работает во всем: и в искусстве, и в науке, и в технике, и в жизни обиходной, и в бытии (онтология), и в Космосе, и в Хаосе, и в хаокосмосе, и в душе, и в мысли, и в природе...» [12, 3]) и Невыразимое: «Поэтические дефиниции Невыразимого (того самого Нечто...) абсолютное гносеологическое и когнитивное бесстрашие, дарующее поэту максимальную свободу мышления и осознания и ускоряющее, углубляющее и овывсочающее поэтическое сознание, — все это есть чудо. Чудо человека. Чудо поэта. Чудо души» [7, 131].

Для него соцарт, постмодерн — поля, на которых не растет поэзия. В эпоху тотального превосходства постмодернизма он не боялся отказать ему в роли и значении мейнстрима и не считал себя маргиналом. Ему чужды и социально заостренные классики, такие, как Михаил Булгаков, кумир уже нескольких поколений читателей. Истинный поэт (но никак не стихотворец! поэт и стихотворец для него — понятия разные и далекие), по Казарину, тем более русский поэт, — абсолютно внутренне свободен, даже в цепях. На внешнюю свободу ему наплевать. «Пасынок алфавита», «поводырь глагола» Казарин не хочет двигаться ни назад, ни вперед. Его потребность — вращать корнями в родную почву, развивать внутреннее зрение:

Я писарь твой, Господь,
Я поводырь глагола.
Суша моя щепоть
В эпоху недосола.

Крепка на полный крест
И чистое писанье,
Пока у здешних мест
Не звук, а расстоянье.

Не взгляд, а Млечный мост,
Горизонталь монгола,
Где шире сущих звезд
Спряжение глагола [4, 46].

Творчество Юрия Викторовича, поэта, ученого и педагога, известно и за пределами Урала. Ему чужды пиар и социальные акции. Он — почвенник, в последние два десятилетия — скромный деревенский житель, философ.

В начале творческого пути будущего поэта была служба в суровых условиях военно-морской базы Североморска, едва не окончившаяся катастрофой. Будучи юношей богатырского телосложения, горячим, не терпевшим ни малейшего насилия и несправедливости, он угодил в дисбат (военную тюрьму). Лагерная каша и уголовное окружение в период трехмесячного заключения только развили в нем стремление вырваться из оков в мир культуры, стать поэтом и ученым. В архиве автора данной работы хранится фото Казарина в армейской обстановке, задумавшегося с карандашом в руке над листом бумаги. На обороте его собственноручная надпись с оттенком иронии: «1975, январь. Североморск-1 (Североморск-Проклятый). В поисках темы будущей диссертационной работы (видимо, писал стихи в тот момент)».

Далее — филологический факультет. Парень в полосатой матросской «телеге» круто меняет жизнь и судьбу. Преподавание русского языка в Калькутте (Индия). Беседа со Святославом Рерихом. Английский язык. Бурная личная жизнь. Женитьба. Развод. Снова женитьба и развод. Влюбленности, влюбленности... Горечь измен и предательств. Творческое самоопределение под влиянием тесного общения с М. П. Никулиной, знатоком родного Урала, края самоцветов, металлов и лучших в России рабочих рук. Щедро одаренная умом и чувством слова, Никулина писала строки, западавшие в душу молодого филолога-бунтаря: «Поэзия тем и права, / что, ветра наслушавшись, снова / на ветер бросает слова, / в широкую зимнюю повесть, / в густое земное вино... / Она потому-то и совесть, / что совести ей не дано» [3, 454]. По Никулиной, в массе уральского народа «никто не носился со своей личностью, все превратилось в одно несокрушимое нечто» [Там же, 349].

Ангел Никулиной сопровождает Казарина по всей его судьбе. Она же познакомила Юрия Викторовича со стихами Алексея Решетова, бесхитростными, естественными и духовными. «Я оказался в счастливом для себя (и до сих пор!) состоянии быть рядом с Майей Никулиной... и рядом с Алексеем Решетовым (и это уже навсегда, до гроба). Два чуда во мне и рядом — это многого стоит» [9, 220].

Поэт и исследователь языка, Казарин получил ученые степени кандидата и доктора филологических наук, звание полного профессора. Кабинетный ученый и популярный педагог, окруженный студентами Уральского университета им. А. М. Горького и Екатеринбургского театрального института — будущими писателями, он стремился к обретению душевной гармонии в общении с землей, водой, лесом, птицами, животными. Это стремление привело его в деревню Каменку, затерянную на одном из бесчисленных косогоров горного Урала. Там, среди прочего, он создал «Каменские элегии», вершину своей лирики. Сидение у удочки над спокойной гладью воды деревенского пруда — «..не за лещами,

а за надеждой выловить что-то из воздуха, то, что каким-то непонятным образом превращается сначала в музыкально-ритмические фразы, а потом эти мелодические вдохи-выдохи наполняются словами, грамматикой, смыслом. Каждый раз это мной воспринимается как чудо... <...> Если это и болезнь, то она какая-то очистительная, осветляющая» [1, 7].

Просьба отклика у земли и воды, надежда на вечный покой, переживание состояния поэтического транса, соответствующего английскому выражению *suspended in time*, воспетою некогда в эпоху романтизма поэтами «Озерной школы» У. Вордсвортом и другими, русскими романтиками В. Жуковским, Е. Боратынским, К. Батюшковым... «Подвешенный во времени», созерцающий Нечто Неизъяснимое, взыскующий Чуда Поэзии, Казарин выходит на крайний предел Бытия и за него (трансгрессия). Дух ищет себя в том, что исключается, утверждает то, что не утверждает как бы ничего. Ему поется теперь совсем по-мандельштамовски, на разрыв аорты:

Я умер бы в утреннем крике,
Но крови моей узелок
Не выдрать с ресницей из книги,
Но азбука-память музыки
Свобода ее и острог.

Или:

Живой и мертвый, с вечностью во рту,
Где прямо с неба оды пьет Гораций,
Где зренья продувает пустоту
До обморока, до галлюцинаций, —
Живой и мертвый, здесь я говорю... [6, 62]

Мишель Фуко связывал трансгрессию с идеей смерти Бога, популярной в Западной Европе еще со времен философа Ницше и поэта Рембо, идеей, перед которой слово замирает в замешательстве (см. об этом [11]). Трансгрессия Казарина — православная, русская, не обусловленная смертью Бога и нищестанством. Его поэтическое бормотание — попытка слиться с голосом ангела, узреть вышний свет, оно словно возрождает (скорее всего невольно, интуитивно) духовную материю исихазма нашего церковного «старчества» (патристики) и оплодотворено любовью к русской романтической лирике. Для Казарина органично чувство общения с Богом. Он говорит близким, что в Бога не верят только очень глупые люди. Вряд ли можно застать его в храме бьющим поклоны. Человек глубоко не публичный, он сторонится массовых эмоций, опасается скоплений верующих так же, как опасается театральных залов и митингов на площадях. Ему не нужно «молиться, чтобы показаться перед людьми», в полном соответствии с Евангелием, где далее сказано: «Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись отцу твоему, который втайне...» [Мф., 6:6] Обширна его образованность, но вера его — простодушная, народная, наивная, боящаяся публичного жеста.

Живу в деревне — прямо в небе,
 О Боге думаю, о хлебе.
 И ангелы средь бела дня
 С рябины смотрят на меня [5, 42].

Автопортрет:

Сивый, больной, поддатый,
 Жизни на три копейки —
 Вот деревенский Данте
 В валенках, в телогрейке,
 В думах, в своей простуде,
 Вечно в обнимку с твердью:
 Ангелы — это люди,
 Переболевшие смертью [Там же, 71].

Он словно видит несотворенное и невещественное присутствие Бога.

Древняя, тысячелетняя традиция Обожения монахов-исихастов (единение простого человека с Богом) получает у него стихийное воплощение. Он рыбачит и видит «листья посреди воды, / аки ангелов следы» или «мышцы воздуха», сведенные «Божьей судорогой вслепую», у него «пахнет снег, как божья кепка, / наверное, пахнет изнутри», в нем спонтанно вспыхивает молитва: «О Господи, не умирай / своих животных и растений / и не вперяй без потрясений / тяжелый, нежный ад осенний / в мерцающий и мертвый рай». Исихазм поборника православия св. Григория Паламы (умер около 1360 г.) ставил в центр личность верующего и наличие у него творческого дара. Сам Палама не отрицал своего литературного честолюбия и тяготения к словесному мастерству, проповедовал монашескую способность дара творчества, которое выделяет человека из всего мироздания и предопределяет ему в нем особое место [2, 167–197]. Древнерусские исихасты (в народе — молчальники) занимались в старые времена «плетением словес» (Епифаний Премудрый) и творением икон (Андрей Рублев и его «Троица» с безмолвной беседой ангелов). Традиция в явной и неявной форме была продолжена множеством поэтов и прозаиков, в том числе Александром Пушкиным, Федором Тютчевым, Львом Толстым и др. Сегодня Казарин «думает» свои строчки через практику молитвы и богопознания. Это самый чистый, самый пронзительный поэт России.

Другой, публичный Казарин выходит порой в реальное время: занимается с молодыми литераторами, ведет отдел поэзии в журнале «Урал», в каждом очередном его выпуске публикует эссе, где с неповторимой интонацией вводит читателя в лабиринты своих переживаний. Публичный и непубличный человек соединяются в талантливой эссеистике, подобной которой не встретишь более нигде. «Я выхожу из книги на улицу. Во двор. В заснеженный сад. Выхожу оглошший и ослепший. Выхожу — как из музыки...» Подобно монаху-отшельнику, он в полном молчании сидит у костра, ведет мысленный диалог с дикими котятками, кормящимися у его крыльца, переживает музыкальные фразы и... дотягивается «...смыслом до пустоты. До прозрачной пустоты, в которой твой прозрачный

взгляд упирается в прозрачный встречный взгляд. Взгляды — без глаз». Уходит «к непознаваемому и невыразимому». Он называет это «хаокосмоэкосом» [10, 234–235].

В пустоте трансгрессии речесознание его — лингвиста, наткнувшись на невидимую непроницаемую стену, попадает в тупик. Ученый, в попытке выловить Смысл, плетет из греческих нитей снасть бездна—вселенная—дом и забрасывает ее в озеро невыразимого. Он отказывается принять постулат о том, что «мысль изреченная есть ложь». На помощь ему идет поэт, творец божественных метафор. Творчество Казарина стало новым словом русской литературы и может стать стимулом наступления нового этапа нашей духовно-философской поэзии и прозы.

1. Бабенко В. «Чувствую, как тесно Богу...» Разговор с Ю. Казариным // Областная газета (Екатеринбург). 2010, 20 янв. С. 7.

2. Исихазм и Возрождение (исихазм и проблема творчества) // Игумен Иоанн Иноземцев. Православие. Византия. Россия. М., 1992.

3. Казарин Ю. Беседы с Майей Никулиной: 15 вечеров. Екатеринбург, 2011. 475 с.

4. Казарин Ю. Избранные стихотворения (1976–2006). Екатеринбург, 2006. 152 с.

5. Казарин Ю. Каменные элегии : изборник. М., 2012. 116 с.

6. Казарин Ю. Каменные элегии. Ч. 3. Екатеринбург, 2011. 88 с.

7. Казарин Ю. Культура поэзии : Статьи. Очерки. Эссе. М., 2013. 320 с.

8. Казарин Ю. Поэтическая гармония и внутренний мир Осипа Мандельштама. Екатеринбург ; Москва, 2019. 288 с.

9. Казарин Ю. Поэты Урала. Екатеринбург, 2011. 484 с.

10. Казарин Ю. Экос // Урал. 2019. № 2. С. 234–235.

11. Фуко М. О трансгрессии // Танатография эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. СПб., 1994. С. 111–132

12. Черным по белому : стихи и проза студентов, выпускников и преподавателей Екатеринбург. гос. театр. ин-та / сост. и авт. предисл. Ю. В. Казарин. Екатеринбург ; Москва, 2012. 288 с.